

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Факультет политических наук

КУРСОВАЯ РАБОТА

Представительство женщин в парламенте: почему проблема все еще актуальна

Направление подготовки
41.04.04 Политология
образовательная программа
«Политические процессы и институты»

Выполнила:
Григораиш Екатерина Ильинична

Научный руководитель:
Завадская М.А,
сотрудника факультета политических наук

Работа допущена к защите
«__»_____20__ г.
Доктор политических наук, декан
_____/ *Г.В. Голосов*

Санкт-Петербург
2022 г.

Введение

В XXI веке, когда у женщин есть те же права, что и у мужчин, те же возможности и доступ к рынку труда и политической сфере, они все еще продолжают представлять меньшинство. Если взглянуть на количество женщин в парламентах, то они составят лишь 22% от общего числа парламентариев¹. Согласно теории о критической массе², необходима доля женщин в 30, чтобы оказывать существенное влияние на стиль принятия решений и на их содержание. Конечно, эта теория может поддаваться критике, ведь достижение этих процентов необязательно будет свидетельствовать о субстантивном³ представительстве и гарантировать его качество (Childs and Krook 2006; Wang 2013; Htun 2015; Archenti and Johnson 2006). Однако если достижение определенного количества женщин в парламенте необязательно является свидетельством их реальной власти и последующих перемен, то недопредставленность будет маркером того, что у женщин точно нет никакой реальной власти, даже номинально. Главный фокус данного исследования обращен как раз к проблеме женской недопредставленности в органах власти. **Исследовательский вопрос** можно обозначить следующим образом: почему женское представительство остается низким, даже в демократических государствах?

Вопрос о недостаточном представительстве женщин анализируется широким кругом специалистов, которые с помощью разных подходов стараются изучить это явление как можно детальнее. В рамках институциональной теории авторы выделяют несколько основных механизмов, с помощью которых можно достичь заметных улучшений по данному вопросу. В качестве основных механизмов выделяют тип избирательной системы и квоты. Однако этот подход критикуется со стороны исследователей, изучающих общественно-политическую культуру, политическую психологию, поведение избирателей и т.д. (Ето 2010). Основной тезис данной группы авторов заключается в том, что даже при наличии определенных институтов мы можем видеть, как отличаются результаты работы этих институциональных механизмов в зависимости от странового контекста (Curtin 2003). Основным исследовательским предметом данного подхода становятся электоральные

¹ Global Gender Gap Report 2021. – URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (Дата обращения: 19.03.2022).

² Equal Participation of Women and Men in Decision-Making Processes, with Particular Emphasis on Political Participation and Leadership. – URL: www.un.org/womenwatch/daw/egm/eqm-men/FinalReport.pdf (Дата обращения: 25.03.2022).

³ Субстантивное представительство (женщин) подразумевает по собой независимое представительство, которое направлено на отражение интересов той группы, к которой принадлежит представитель: женщины будут отражать интересы женщин как социальной группы.

предпочтения граждан и то, чем они руководствуются при голосовании за того или иного кандидата.

Несмотря на высокую объяснительную способность этих подходов, мы видим, что некоторые страны выпадают из общей теоретической концепции. Так, например, недавнее исследование по Японии показало, что ни наличие смешанной избирательной системы, ни отсутствие стереотипных представлений у граждан не могут объяснить такое низкое представительство женщин (Kage et al 2018). Авторы выдвигают концепцию, согласно которой женщины рассматриваются как главные участники политического процесса. Исследователи подчеркивают, что для того, чтобы женщины были представлены в парламенте, они должны быть замотивированными, чтобы баллотироваться, и располагать поддержкой со стороны общества. В данном контексте под понятие общество также попадает и само государство, которое обеспечит необходимыми правами и гарантиями, социум, нормы которого одобряют подобное поведение, и семья, которая окажет необходимую психологическую поддержку (Kage et al 2018).

Таким образом, мы можем заключить, что использование какой-то одной теоретической рамки может быть недостаточно для того, чтобы как можно лучше описать наблюдаемую вариацию в представленности женщин в национальных парламентах. Предполагается, что эффект оказывает не один фактор, а их совокупность (Eto 2010; Larserud and Taphorn 2007).

Цель данной работы - определить факторы, в наибольшей степени способствующие представительству женщин в национальных парламентах. Для этого необходимо определить факторы и затем оценить их влияние на женское представительство в сравнительной перспективе. Так как данных собрать по всей генеральной совокупности стран не предоставляется возможным, то мы будем использовать выборку из тех стран, по которым сможем найти информацию в открытых источниках (WVS, OECD statistics, Worldbank, IDEA). Также мы хотим сфокусироваться на демократических государствах, потому будем использовать индекс V-DEM в качестве еще одного фактора, сужающего выборку. В итоге мы будем работать с 37-ю странами, а в качестве основного инструмента оценки эффекта воздействия мы будем использовать линейную регрессию, однако с дополнением графического анализа.

В первой части рассматриваются основные теоретические подходы и обозначаются наиболее значимые факторы, способствующие репрезентации женщин. Во второй части будут сформулированы гипотезы, обозначена выборка стран и представлен план для

проведения эмпирического исследования. В третьей части представлены результаты анализа и в заключении сформулированы основные выводы.

Глава 1. Поиск теоретических оснований

Проблему недопредставленности женщин в основном изучают через призму двух подходов – институционального и культурного. В качестве объекта изучения в институциональном подходе используются разные институты, которые определяют «правила игры» для всех участников электорального процесса (Норт 1997). В гендерных электоральных исследованиях чаще всего рассматривают избирательную систему и квоты как способы улучшения количественного представительства женщин в парламентах (Matland and Taylor 1997; Kunovich 2003; Norris and Krook 2011; Larserud and Taphorn 2007). В центре внимания культурного подхода находятся «накопленные социальные ценности и практики, с помощью которых общество понимает и упорядочивает себя» (Kage et all 2018). Однако чаще всего делается упор на такой культурный маркер как гендерные стереотипы, в которых и отражаются те самые ценности и практики по отношению к мужчинам и женщинам (Bauer 2013; Spencer-Rodgers et all 2007; Dolan 2014; Sanbonmatsu and Dolan 2009). В данной главе мы рассмотрим основные позиции каждой из теоретических рамок, а в конце дополним некоторыми замечаниями, которые были сделаны на основе недавнего исследования по Японии.

Институты

Один из доминирующих и востребованных подходов в политологии нашел свое место и в гендерных исследованиях. Основной упор делается на два фактора: тип избирательной системы и квоты. Авторы также выделяют ряд других механизмов, которые оказывают непосредственное влияние на представительство женщин (например, размер округа, партийная конкуренция и т. д.), однако в рамках данной работы мы остановимся лишь на первых двух.

Избирательная система представляет собой систему правил, посредством которой голоса избирателей транслируются в места в представительных органах власти. Исследователи выделяют три семейства избирательных систем: мажоритарные, пропорциональные и смешанные. Пропорциональная система считается наиболее удачной с точки зрения представительства и поддержания разнообразия, так как акторы занимают места в парламенте согласно проценту полученных за них голосов во время выборов (Eto 2010; Saul 2001). Таким образом, у большего числа участников появляется возможность оказаться в парламенте, даже не набрав большинства голосов или обогнав соперников. При

такой системе у женщин больше шансов оказаться в органах власти, нежели, например, при мажоритарной.

Помимо избирательной системы квоты тоже можно обозначить как достаточно универсальный механизм. В основном выделяют два вида квот – законодательные и партийные. Первый вариант представляет собой закреплённое количество мест в парламенте, которое должны по итогу занять женщины (Степанова 1999). Согласно рекомендациям ООН хотя бы 30 % мест в парламенте должны занимать представители одного пола⁴. Поэтому довольно часто именно эта цифра и отражена в квотировании – например, в стране существует нормативный акт, который утверждает, что 30% мест в парламенте, закрепляются за женщинами (или за представителем хотя бы одного пола). Таким образом, такой законодательной инициативой для партий, как главных акторов в электоральном процессе, создаются определенные стимулы выдвигать кандидаток (Franceschet et al 2009). Это означает, что партия будет подстраиваться под новые правила игры и стараться увеличить свое представительство за счет институциональных механизмов.

Однако квотирование может быть и партийным. Добровольное или партийное квотирование представляет собой введение квот самими партиями. Это решение может быть продиктовано идеологией (левые партии и партии с гендерной программой) (Santana and Aguilar 2019; Davidson-Schmich 2006), а также индивидуальной стратегией борьбы за избирателей: если одна партия вводит квоты для женщин, таким образом демонстрируя свою лояльность избирателям, или получая поддержку определенных слоев населения, то партия-оппонент может поступить таким же образом, стараясь заручиться поддержкой тех же групп избирателей (Caul 2001; Short 1996; Kittilson 2006). Таким образом, данный механизм отражает то, как введение квот может изменить институциональные стимулы и повлиять на стратегии партий.

Однако нужно учитывать, что простое наличие пропорциональной системы и введение квот, не всегда будет приводить к желаемому результату. Пример тому, введение квот в Аргентине (Htun 2015; Archenti and Johnson 2006). Помимо этого, А. Клейтон на базе опросов выявила, что наличие квот негативно сказывается на самооценке женщин в ходе избирательной кампании – что ее компетентные качества недооцениваются настолько, что для них нужна дополнительная помощь (Clayton 2005). А это способствует усилению

⁴ Equal Participation of Women and Men in Decision-Making Processes, with Particular Emphasis on Political Participation and Leadership. – URL: www.un.org/womenwatch/daw/egm/eql-men/FinalReport.pdf (Дата обращения: 25.03.2022).

скептицизма со стороны избирателей и снижению энтузиазма у женщин, которые баллотируются или собираются баллотироваться. Данное исследование отражает тот факт, что отдельные механизмы сами по себе не всегда оказывают желаемый эффект, а также показывают пробелы, связанные с идеологическими, социальными и психологическими особенностями как партий, так и избирателей.

Изучение поведения и предпочтений избирателей может оказаться достаточно полезным в данном направлении по нескольким причинам. Во-первых, партийная стратегия ориентирована на избирателя, который в свою очередь обладает определенными представлениями о том кандидате, за которого бы отдал свой голос. Таким образом, предпочтения избирателей могут определять или задавать тон партийной компании. С другой стороны, на избирателя влияет социальная культура, в которой он живёт. Проявлять себя может это влияние также имплицитно, например, через гендерные стереотипы, которые не всегда осознаются.

Социальные ожидания

Гендерные стереотипы это одно из главных направлений в изучении причин женской недопредставленности. Исследователи рассматривают предпочтения избирателей с точки зрения их восприятия кандидата по полу (Dolan 2014 ;Sanbonmatsu and Dolan 2009; Bauer 2018; Bauer 2015; Bos 2011; 12. Krupnikov and Bauer 2014.). В основном выводы в подобных работах делятся на три объяснительные группы: индивидуальные черты, области специализации и идеологическое размещение.

Согласно первому объяснению, избиратели склонны предполагать, что кандидаты обладают разными личностными чертами, обусловленными полом (Devroe et all 2020; Fridkin and Kenney 2011; Ono and Yamada 2020; Andersen and Ditonto 2018). Например, мужчинам приписывают законодательную компетентность, сильное лидерство и умение справляться с кризисом (Alexander and Andersen 1993; King and Matland 2003; Lawless 2004; Paul and Smith 2008; Huddy and Terkildsen 1993), в то время как у женщин лучше развиты сострадание, эмоциональная чувствительность и честность (Prentic and Carranza 2002; Huddy and Terkildsen 1993; Andersen and Ditonto 2018). А так как сфера политики больше ассоциируется с сильными чертами, присущими мужчинам, то и предпочтения отдают избиратели именно мужчине кандидату, как более компетентному и подходящему к данной работе. Однако если все же рассматривать политику не как что-то однообразное, а по сферам ее реализации – оборона, безопасность, экономика, здравоохранение, образование и социально обеспечение, то мы можем увидеть иную картину.

Согласно второй группе исследований, избиратели рассматривают кандидатов мужчин и женщин как имеющих разные области специализации. Так, предполагается, что мужчины способны лучше решать вопросы в таких сферах как национальная оборона, внешняя политика, безопасность и экономика; а женщины-кандидаты считаются более эффективными в таких областях политики, как образование, социальное обеспечение и проблемы окружающей среды (Dolan and Lynch 2016; Alexander and Andersen 1993; Brown et al 1993; Huddy and Terkildsen 1993). В такой перспективе мы можем отметить, что гендерные стереотипы имеют тенденцию определять женщин не просто как некомпетентных в политических вопросах, но как специализирующихся в сферах, что соответствует отведенным им социальным ролям.

Однако помимо специализации гендерные ожидания среди избирателей существуют также и в идеологическом размещении политических кандидатов (Ono and Yamada 2020; Devroe 2020). Считается, что женщины имеют иное отношение к вопросам политики, чем их коллеги мужчины. В частности, кандидаты женщины считаются более либеральными и прогрессивными. Кроме того, различные идеологические позиции кандидатов между мужчинами и женщинами обычно наблюдаются в их отношении к социальным, экономическим и военным вопросам (Ono and Yamada 2020; Verhulst et al 2012). Даже внутри консервативных партий с идеологической точки зрения женщины считаются более либеральными, чем их коллеги мужчины (Dolan 2014; Koch 2000; McDermott 1997). Следовательно, избиратели, отдающие предпочтение политике левого толка, будут также склонны отдавать предпочтение женщинам политикам, поскольку они считают, что женщины с большей вероятностью поддержат их интересы (Ono and Yamada 2020; Sanbonmatsu 2002).

Таким образом, избиратели могут своими предпочтениями определять шансы женщин на избрание, а также определять и то, будут ли номинировать их партии (Kage et al 2018). В данном случае именно спрос определяет и предложение, ведь женщин будут выдвигать меньше, если и потребность в них со стороны избирателей будет низкой. Однако недавнее исследование по Японии показало другую сторону этого вопроса.

Роль государства. Кейс Японии

Согласно исследованию Р. Кэге, Ф.М. Розенблута и С. Танаки в Японии достаточно низкий уровень гендерных стереотипов по отношению к женщинам политикам, что согласно подходу социальных ожиданий, должно обуславливать хотя бы равный уровень спроса со стороны избирателей на кандидатов мужчин и женщин (Kage et al 2018). Более

того, после изменения избирательной системы в 1994 году представительство женщин увеличилось (Ono and Yamada 2020). Нововведённая смешенная избирательная система косвенным образом привела к тем улучшениям, которые согласно институциональной теории, должны были наблюдать исследователи. Однако авторы работы показывают, что представительство женщин в парламенте все еще очень низкое, даже по сравнению со средним уровнем в мире – на 2016 год только 44 из 475 членов Палаты представителей (нижняя палата) были женщинами, что составляет 9,4% от общего числа.

Основная идея исследования заключается в рассмотрении не только стороны спроса (предпочтений избирателей), но и предложения как такового (самих женщин кандидатов). Согласно результатам работы оказалось, что женщины не хотят баллотироваться на посты из-за социально обусловленных семейных ролей (Kage et al 2018). Дело в том, что в политическом мире женщины кандидаты потенциально сталкиваются с тройным вызовом: наличие маленьких детей делает их менее доступными для круглосуточной политической деятельности, но отсутствие семьи может подвергнуть их критике из-за несоответствия социальным ожиданиям; вдобавок ко всему, пожилой возраст влечет за собой ответственность за то, что у женщины кандидата не оказалось достаточно времени для повышения стажа и получения политического влияния (Kage et al 2018; Silberman 2015). А также в исследовании респонденты предпочли, чтобы женщина-политик имела детей старшего возраста (старше шести лет) и чтобы она жила в многопоколенной семье, которая помогала бы ей с заботой о детях и работе по дому (Kage et al 2018).

Таким образом, авторы выявили, что не все женщины одинаково маловероятно будут баллотироваться на посты, однако некоторые группы женщин имеют непропорционально меньше шансов баллотироваться на общенациональные выборы. А именно женщины в репродуктивном возрасте, в то время как это ключевой возраст для мужчин, чтобы войти в политику. Кроме того, 51% респондентов из опроса Палаты представителей (парламент Японии) сообщили, что социальная обязанность заботиться о детях или престарелых родителях мешает многим женщинам стать политиками, а 41% из них считают, что большинство женщин на пути к должности сталкиваются с противодействием со стороны членов семьи и родственников (Kage et al 2018).

Таким образом, молодые женщины имеют меньше шансов на избрание не потому, что за них не готовы голосовать, или институциональная система ограничивает их возможности, но потому что, выполняя роль матери и хозяйки, без поддержки со стороны общества, они не могут устраиваться на работу с круглосуточной занятостью – а именно работа в политической сфере (Kage et al 2018). Данная картина актуальна особенно для

многих стран, где женщины несут основную ответственность за воспитание детей и работу по дому (Silbermann 2015; Lopez-Zafra and Garcia-Retamero 2012).

Однако исследователи предлагают решение такой ситуации. Во-первых, авторы того же исследования отмечают, что по сравнению с мужчинами женщины чаще баллотируются на посты, когда они получают существенную поддержку в семейной работе (Kage et al 2018). Это означает, что разделение обязанностей между членами семьи (будь то партнер или родители) может способствовать улучшению положения дел. Во-вторых, дополнительная поддержка по уходу за детьми в виде субсидий и большей доступности государственных детских садов может оказать благоприятный эффект (Eto 2010; Seguino 2007; Inglehart and Norris 2003.).

Но этот вывод также нуждается в проверке, поскольку это только гипотеза, которую выдвигают авторы исследования, исходя из своей работы. Кроме того, они подчеркивают, что процесс внедрения поддержки в общество может быть достаточно быстрым, однако результаты могут показать себя не так молниеносно – так как придется работать с давно закрепленными представлениями о распределении ролей в обществе. А это достаточно долгий процесс.

Подводя итоги теоретического обзора, стоит отметить, что исследование по Японии показало интересную сторону изучаемой проблемы., что дополнило наши представления о том, что может обуславливать низкий уровень представительства женщин.

Глава 2. Переход от теории к практике

Социальные ожидания

Наличие или отсутствие стереотипов будет отражать социальные ожидания избирателей по отношению к кандидатам. Если в обществе существует представление о том, что личные качества женщин делают их менее компетентными в политике, то и голосовать за них они будут в меньшей степени. Следовательно, там, где будет обнаружен высокий уровень стереотипов должно быть представлено меньше женщин в парламенте.

Г1:Если в стране распространены гендерные стереотипы, то мы будем наблюдать достаточно низкое представительство женщин.

Отдельно необходимо отметить, что общественные представления о семейной роли женщины также важно для понимания ее возможностей. Если в обществе доминируют представления о том, что женщина должна быть матерью и ухаживать за детьми (а также пожилыми родственниками), тогда ей будет сложнее реализовываться в профессиональной

сфере из-за социальных ожиданий. Также важно, чтобы и роль мужчины не ограничивалась «добытчиком», а проявлялась в отцовстве и помощи по дому.

Г2: В странах, где женщины и мужчины имеют определенно закреплённые семейные роли, будет меньше женщин в политике.

Г3: В странах, где мужчины оказывают большую помощь в работе по дому, будет больше женщин в политике.

Роль государства

Представления людей о ролях мужчин и женщин в обществе влияют не только на решения избирателей, но и законодателей, которые создают условия, необходимые для реализации большего числа возможностей граждан.

Гипотеза, которая была выдвинута в работе Это (Eto 2010), может оказаться важной в данном вопросе. Суть ее заключается в том, что дополнительная поддержка по уходу за детьми в виде субсидий и большей доступности государственных детских садов может оказаться хорошим стимулом со стороны политиков для обеспечения более равных возможностей как для мужчин и женщин, так и для женщин с детьми, в частности. Кроме того, необходимо учитывать длительность отпуска по беременности и отпуска по уходу за ребенком.

Г5: Чем выше расходы на уход за детьми/дошкольное образование государства, тем выше представительство женщин в политике.

Г6: Чем больше отпуск по беременности и отпуск по уходу за ребенком, тем выше представительство женщин в политике.

Контрольные переменные

Исходя из институциональной теории мы можем отметить, что пропорциональная избирательная система и наличие квот являются механизмами, которые создают определенные институциональные стимулы для всех акторов системы. И эти стимулы создают базу для улучшения представительства женщин. А значит, в странах, где будут присутствовать такие стимулы, должны обладать большим процентом женщин в парламентах, нежели представители других типов. Данные факторы мы будем использовать в качестве контрольных переменных.

Операционализация

Гендерные стереотипы измерялись с помощью базы опросов WVS. В данной работе использовались данные за 2017-2020 годы, а в качестве определения степени распространенности стереотипов о женщине в политике использовался тезис о том, что мужчины лучшие политический лидеры, по сравнению с женщинами (Q29). Мы будем использовать процент согласных с утверждением (Strongly Agree + Agree) как маркер гендерных стереотипов – чем выше процент, тем выше уровень распространения стереотипов.

Для оценки семейных ролей, в частности отношения к роли матери, использовались тезисы Q28 («Ребенок дошкольного возраста страдает от работающей матери»), Q32 («Быть домохозяйкой также достижение»), и Q35 («Проблема, если доход женщины выше, чем у мужа»).

Работа по дому представляет собой количество неоплачиваемого труда, которым занимаются мужчины и женщины. В нашей модели работа по дому будет измеряться в часах в день, а также рассчитываться отдельно для мужчин и женщин.

Расходы государства на детей и дошкольное образование представляют собой совокупность государственных социальных расходов на услуги и пособия (прямое финансирование или субсидирование учреждений по уходу за детьми и дошкольных образовательных учреждений; целевые выплаты родителям; государственные расходы на помощь молодым людям и интернатным учреждениям, а также государственные расходы на услуги семьи). Данные выражены в процентной доле от ВВП страны.

Отпуск по уходу за ребенком делиться на две переменных – отпуск для отца и для матери. Рассчитана эта переменная как количество недель оплачиваемого отпуска, зарезервированного исключительно для использования отцами и матерями, а также любые недели оплачиваемого совместного отпуска, которые должен взять отец, чтобы семья могла претендовать на «бонусные» недели отпуска по уходу за ребенком.

Избирательная система и квоты кодировались согласно их типу. Квоты оценивались относительно нижней палаты (или единственной), которая обычно и является парламентом или законодательным органом власти.

Выборка

Выборка представляет собой набор из 51 страны, по которым можно было собрать данные (особенно в вопросе социальных условий – количество неоплачиваемого труда, длительность отпуска по уходу за ребенком и общие государственные траты).

Однако так как фокус нашего исследования направлен на изучение демократических стран, мы решили использовать индекс Либеральной демократии V-DEM и сформировать подвыборку из 37 стран с баллом больше 0,5. На Рисунке 1 представлены страны, которые формируют итоговую выборку.

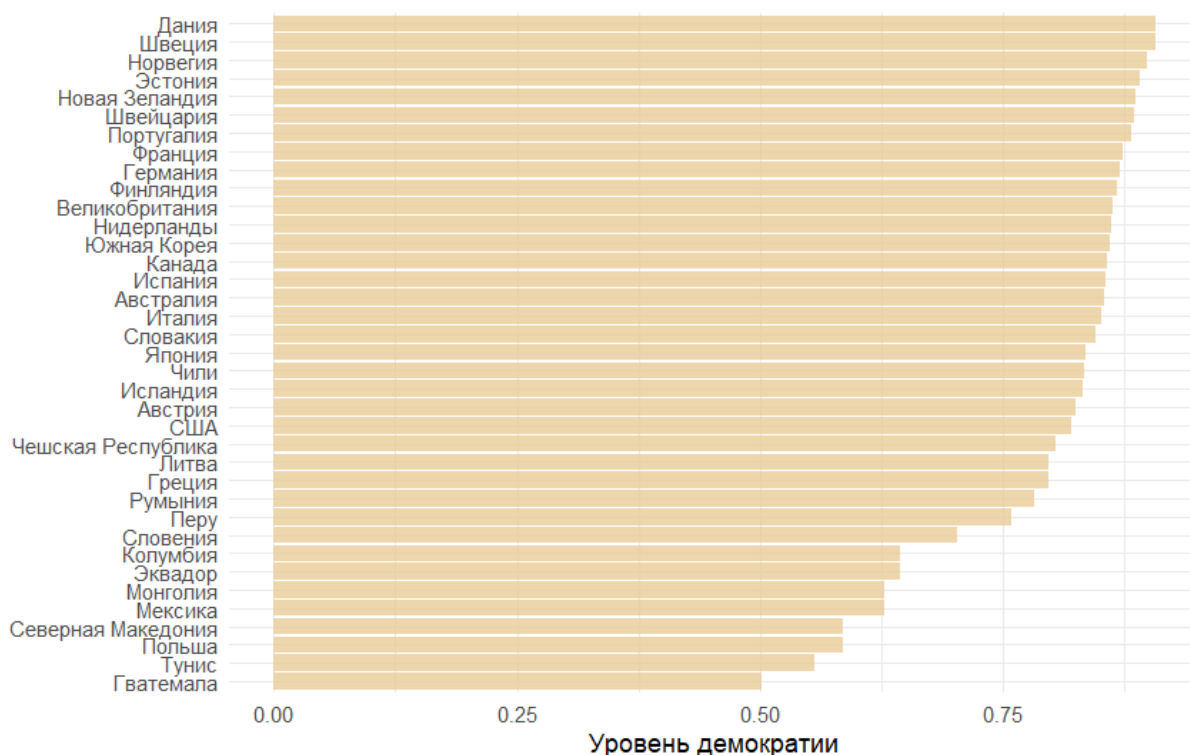

Рисунок 1. На данном графике представлены все страны, которые входят в основную выборку. В качестве пограничного значения формирования выборки был принят уровень индекса Либеральной демократии (V-DEM) равный 0,5.

Основные переменные

В качестве зависимой переменной мы будем использовать процент женщин в парламенте. На Рисунке 2 представлено распределение нашей зависимой переменной, которое в целом можно считать нормальным. Однако так как выборка достаточно маленькая, то ориентироваться на стандартные технические проверки сложно, что будет учитываться при непосредственном анализе результатов.

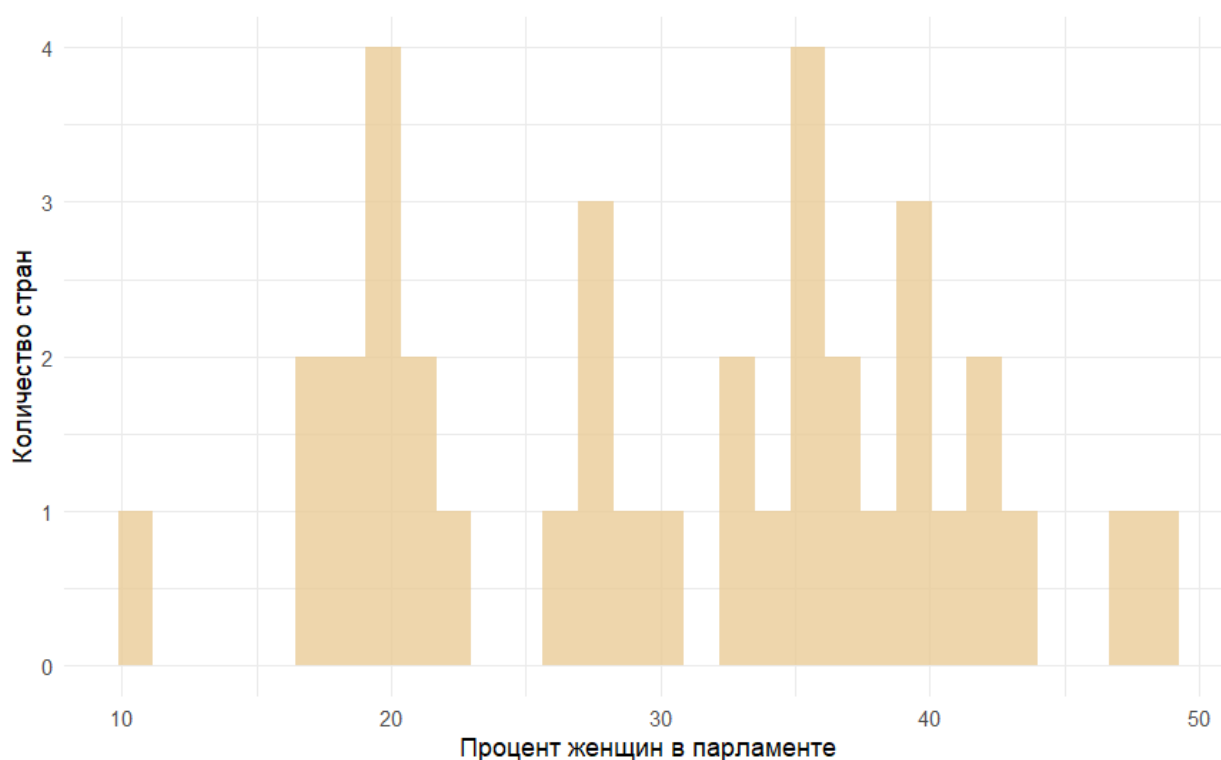

Рисунок 2. Распределение зависимой переменной «Процент женщин в парламенте» в выборке.

В качестве независимых переменных мы будем использовать следующие:

Социальные ожидания

- Гендерные стереотипы: процент согласных с утверждением, что «мужчины лучшие политический лидеры, нежели женщины» (чем выше процент, тем выше уровень стереотипов);
- Роль матери: процент согласных с утверждением, что «ребенок дошкольного возраста страдает от работающей матери» (чем выше процент, тем выше уровень стереотипов);
- Роль домохозяйки: процент согласных с утверждением, что «быть домохозяйкой так же достижение/приятно» (чем выше процент, тем выше уровень стереотипов);
- Распределение семейных ролей: процент согласных с утверждением, что «проблема если доход женщины выше, чем у мужа» (чем выше процент, тем выше уровень стереотипов).
- Работа мужчин по дому: количество часов, потраченных на домашние обязанности среди мужчин;
- Работа женщин по дому: количество часов, потраченных на домашние обязанности среди женщин.

Поддержка государства

- Расходы государства (на детей и дошкольное образование (совокупный)): относительная величина, выраженная в доле от ВВП страны;
- Отпуск по уходу за ребенком для отца: количество недель оплачиваемого отпуска для отца;
- Отпуск по уходу за ребенком для матери: количество недель оплачиваемого отпуска для матери.

В качестве контрольных переменных мы будем использовать тип электоральной системы (мажоритарная, пропорциональная и смешенная), наличие волонтерских квот (есть/нет) и наличие законодательных квот (есть/нет).

Глава 3. Эмпирический анализ

Перед тем, как приступить к непосредственному анализу, необходимо еще раз оговорить, что есть одно важное ограничение в данной работе – малое число наблюдений. Из-за того, что информацию по всем переменным удалось собрать лишь по некоторым странам, то выборка слишком мала, чтобы строить выводы о конкретной закономерности и связи зависимой переменной от какой-либо независимой. Исходя из этого ограничения анализ данной работы будет скорее носить описательный характер, в ходе которого мы сможем оценить эффект от некоторых факторов, и использовать получившиеся результаты как направление для дальнейших исследований.

Пропущенные значения

Кроме того, даже в этой малой выборке есть несколько пропущенных значений (NA), с которыми необходимо было поработать. Так как данные достаточно не сложные, то в качестве значения мы использовали медиану для замены NA в случае, если наблюдались сильные выбросы или была разница между медианой и средним значениями.

В Таблице 1 представлены результаты работы с пропущенными значениями. В итоге получилось, что медиана является лучшим вариантом импутации данных. Однако стоит отметить, что по двум переменным наблюдается слишком большое количество пропущенных значений – 20 из 31. Потому в дальнейшем мы исключим переменные «*Роль домохозяйки*» и «*Распределение семейных ролей*» из нашей модели.

Переменная	Кол-во NA	Значение медианы	Значение среднего
Роль домохозяйки	20	58	56.9
Распределение семейных ролей	20	26.7	27.1
Расходы государства	9	0.75	0.96
Отпуск по уходу за ребенком для матери	8	50	53.8
Отпуск по уходу за ребенком для отца	8	2	8.47
Работа женщин по дому	3	4.3	4.2
Работа мужчин по дому	3	2.28	2.07

Таблица 1. В таблице представлена информация о количестве пропущенных значений (NA) по каждой независимой переменной, а также значение медианы и среднего арифметического. Жирным шрифтом выделены те значения, которые использовались для импутации NA.

Мультиколлениарность

Перед тем как переходить к построению модели необходимо проверить важное допущение о мультиколлениарности. Суть его заключается в том, чтобы исключить те независимые переменные, которые могут коррелировать между собой и тем самым приводить к неустойчивости модели. Потому мы посмотрим на корреляцию всех независимых переменных и исключим те, чьи значения довольно сильные, чтобы повлиять на итоговую модель.

На Рисунке 3 представлены результаты анализа. Как мы видим у нас наблюдается достаточно сильная корреляция между переменными, которые измеряют уровень гендерных стереотипов: «Гендерные стереотипы» (GendPolicy) и «Роль матери» (GendFamily28) – коэффициент корреляции = 0.64. Кроме того, есть сильная корреляция между переменными «Роль матери» (GendFamily28) и «Законодательные квоты» (QuotaLeg) – коэффициент корреляции = 0.62. Исходя из данных результатов мы можем убрать переменную «Роль матери» (GendFamily28), чтобы не нарушать допущения, так как убрать переменную «Законодательные квоты» (QuotaLeg) мы не можем (она является контрольной переменной).

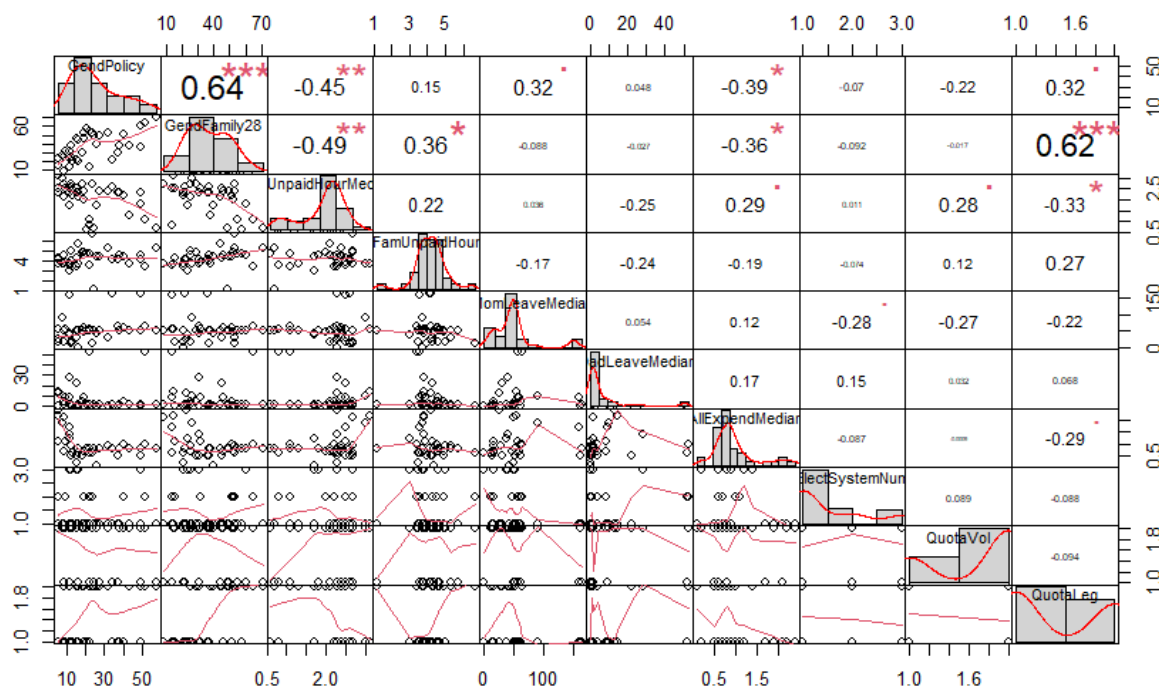

Рисунок 3. Таблица корреляции всех независимых переменных. Те значения, которые отмечены тремя красными звездочками свидетельствует о наличии достаточно сильной корреляции между переменными.

Итак, убрав одну переменную и еще раз проверив корреляцию оставшихся, мы получили оптимальное количество значений и выполненное допущение о мультиколлинеарности. Теперь можем перейти к непосредственному этапу построения модели и анализа ее результатов.

Модель

Для того, чтобы оценить эффект, мы будем использовать линейную регрессию (МНК регрессию). В качестве зависимой переменной мы будем использовать процент женщин в парламенте. Среди независимых переменных в итоге остались следующие:

- Гендерные стереотипы: процент согласных с утверждением, что «мужчины лучшие политический лидеры, нежели женщины» (чем выше процент, тем выше уровень стереотипов);
- Работа мужчин по дому: количество часов, потраченных на домашние обязанности среди мужчин;
- Работа женщин по дому: количество часов, потраченных на домашние обязанности среди женщин.
- Расходы государства (на детей и дошкольное образование (совокупный)): относительная величина, выраженная в доле от ВВП страны;

- Отпуск по уходу за ребенком для отца: количество недель оплачиваемого отпуска для отца;
- Отпуск по уходу за ребенком для матери: количество недель оплачиваемого отпуска для матери.

Также мы будем использовать контрольные переменные: тип электоральной системы (мажоритарная, пропорциональная и смешенная), наличие волонтерских квот (есть/нет) и наличие законодательных квот (есть/нет).

Результаты

В Таблице 2 представлены результаты линейной регрессии. В данной модели у нас значимый результат показывают три переменных: «Гендерные стереотипы», «Расходы государства» и «Законодательные квоты». Рассмотрим каждую переменную по отдельности и оценим силу и направленность эффекта.

	Процент женщин в парламенте		
	Коэффициент	Дов. интервал	p-value
Гендерные стереотипы	-0.28	-0.51 – -0.04	0.023
Работа мужчин по дому	1.31	-3.68 – 6.29	0.594
Работа женщин по дому	2.04	-1.34 – 5.43	0.226
Расходы государства	8.83	3.37 – 14.29	0.003
Отпуск по уходу за ребенком для отца	-0.16	-0.39 – 0.07	0.165
Отпуск по уходу за ребенком для матери	0.02	-0.06 – 0.10	0.621
Смешенная эл. система	-0.13	-7.32 – 7.06	0.971
Мажоритарная эл. система	-2.55	-9.65 – 4.54	0.466
Законодательные квоты	6.62	0.80 – 12.45	0.027
Волонтерские квоты	4.06	-1.60 – 9.72	0.153
Кол-во наблюдений	37		
R ² / R ² adjusted	0.635 / 0.495		

Таблица 2. В таблице представлены результаты линейной регрессии (МНК-регрессии). В качестве зависимой переменной использовался процент женщин в парламенте. Жирным цветом выделены те значения p-value, которые меньше общепринятого статистического порога (0.05).

Гендерные стереотипы

Начнем с гендерных стереотипов: каждый дополнительный процент, согласных с утверждением, что «мужчины лучшие политические лидеры, нежели женщины», приводит к снижению количества женщин в парламенте на 0.28%. Иными словами, наличие гендерных стереотипов снижает уровень репрезентации женщин, однако не сильно. На Рисунке 4 представлена диаграмма рассеивания: по оси абсцисс представлены значения

нашей независимой переменной, по оси ординат – зависимой. Также на графике проведена регрессионная линия с доверительными интервалами в виде серого поля вокруг.

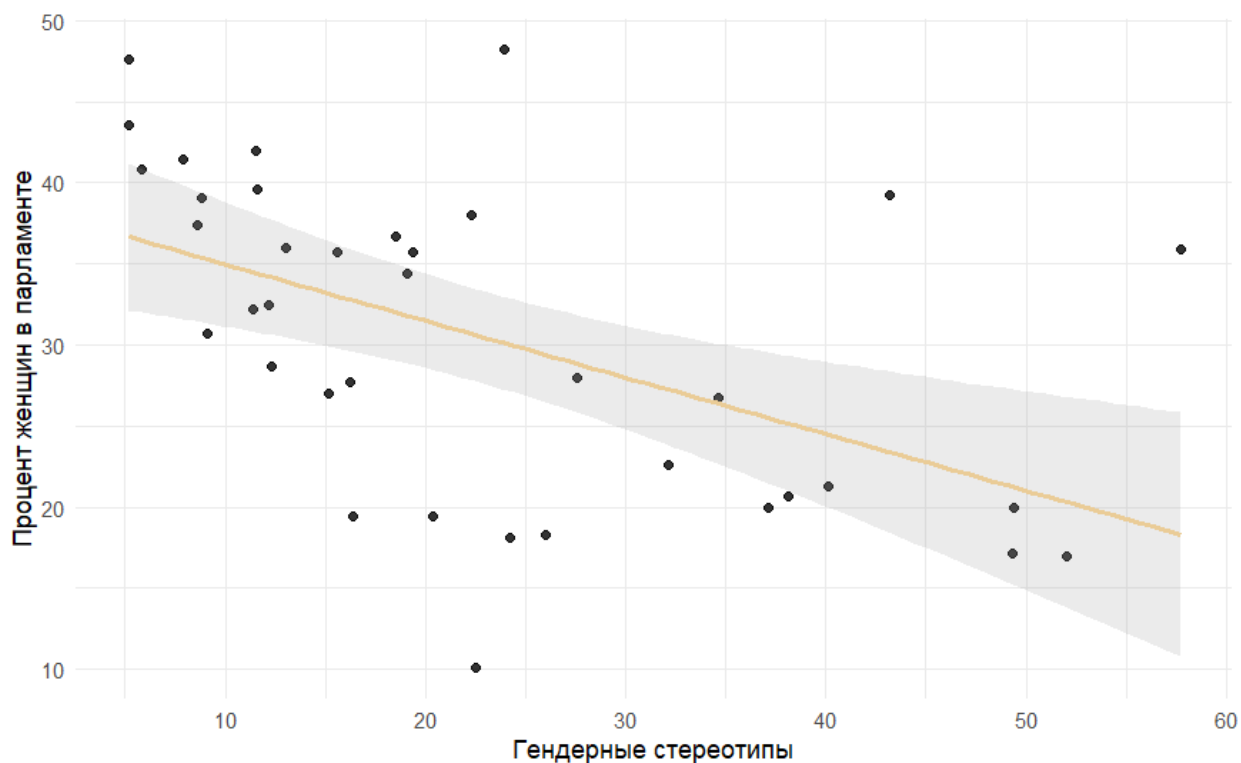

Рисунок 4. Диаграмма рассеивания. На оис абсцисс – гендерные стереотипы, на ординат – процент женщин в парламенте. Также проведена регрессионная линия с доверительными интервалами (серое поле).

На данном графике мы видим, что большая часть наблюдений сосредоточена в левом верхнем углу, что соответствует низкому уровню гендерных стереотипов и относительно большому уровню представительства женщин в парламенте. Однако также есть другая группа стран – с достаточно низким уровнем гендерных стереотипов и низким уровнем представительства женщин. Среди таких стран находятся Япония, Колумбия, Греция, Гватемала и США.

Исходя из полученных результатов, мы не можем сказать, что гендерные стереотипы оказывают сильно значимый эффект (приводит к снижению процента женщин менее чем на 1), однако мы можем отметить несколько интересных вещей. Во-первых, в странах с процентом женщин в парламенте свыше 30% наблюдается достаточно низкий уровень гендерных стереотипов относительно женщин в политике – ниже 25 %. Это может быть связано с тем, что в странах с низким уровнем стереотипов избиратели будут чаще голосовать за женщин, однако ситуация может быть и обратная: в странах, где женщины больше представлены в политике, происходит разбиение мифа о некомпетентности женщин, а значит и снижается уровень стереотипов.

С другой стороны, мы отметили группу стран – Япония, Колумбия, Греция, Гватемала и США, – в которых наблюдается низкий уровень стереотипов, однако представительство женщин остается также все еще низким – ниже 20%. Это позволяет задуматься о том, что возможно есть какие-то иные факторы, помимо культурных, которые препятствуют реализации потенциала женщин или их возможностей.

Расходы государства

Перейдем к рассмотрению следующего пункта – государственные расходы на детей и дошкольное образование: каждый дополнительный процент от ВВП приводит к увеличению количества женщин в парламенте почти на 9%. Это достаточно сильный эффект, который также согласуется с теорией. На Рисунке 5 представлена диаграмма рассеивания: по оси абсцисс представлены значения нашей независимой переменной, по оси ординат – зависимой. Также на графике проведена регрессионная линия с доверительными интервалами в виде серого поля вокруг.

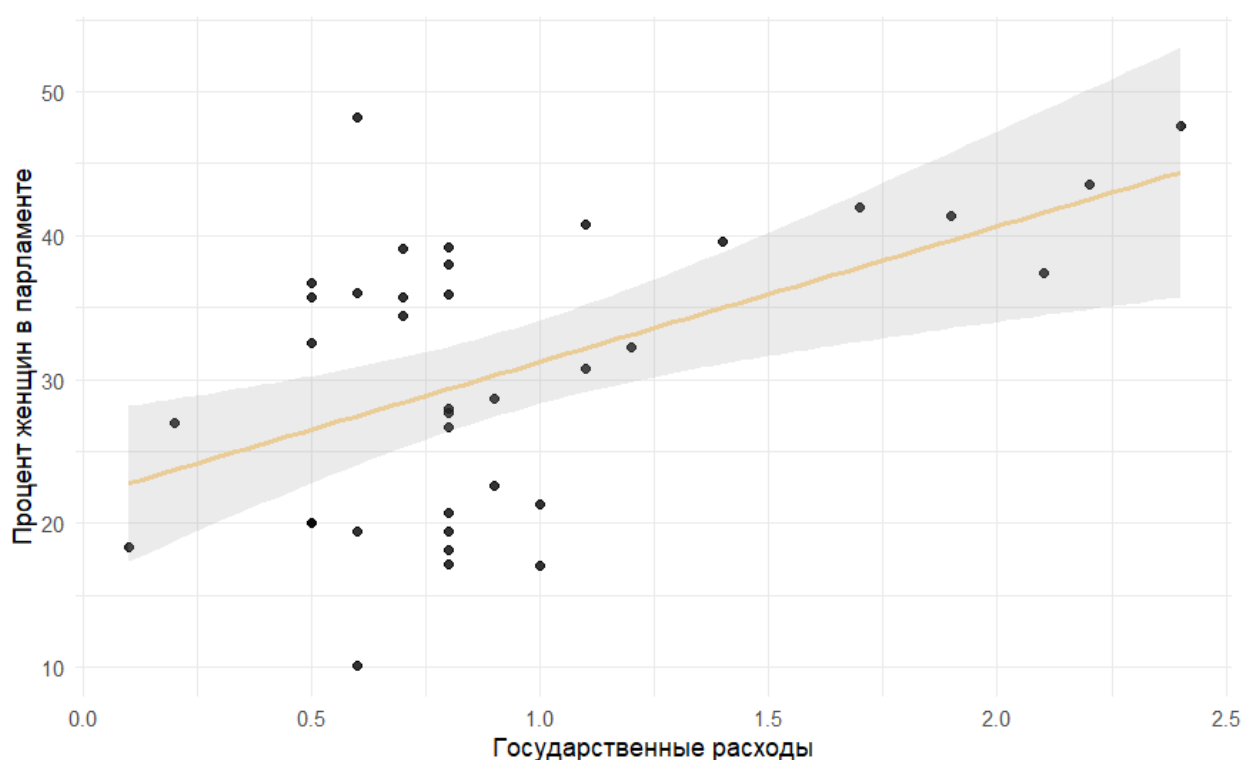

Рисунок 5. Диаграмма рассеивания. На оис абсцисс – государственные, на ординат – процент женщин в парламенте. Также проведена регрессионная линия с доверительными интервалами (серое поле).

Так же, как и в случае с гендерными стереотипами, на графике мы видим общую тенденцию, которая согласуется с результатами регрессии – в целом тренд положительный: в странах по мере увеличения доли государственных расходов от ВВП наблюдается и больший процент женщин в парламенте. Однако попробуем объединить наши результаты

и посмотреть на распределение стран по двум независимым переменным: гендерные стереотипы и государственные расходы.

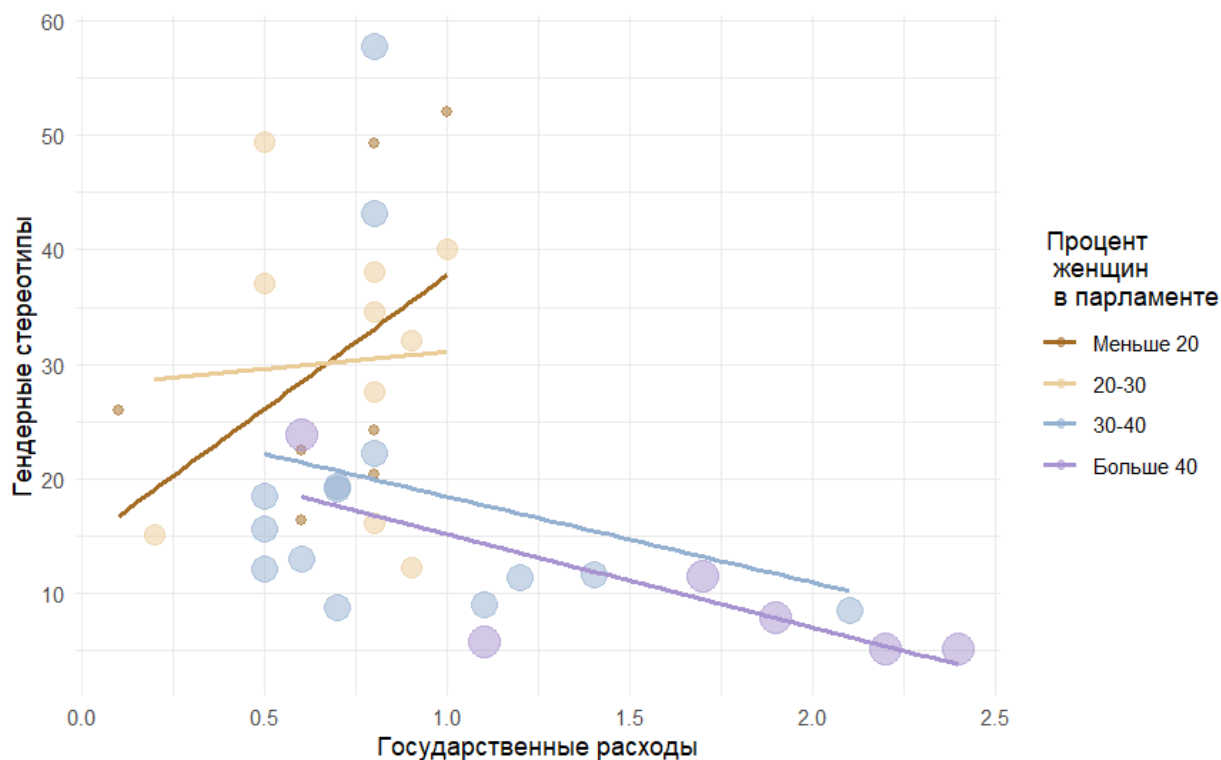

Рисунок 6. Диаграмма рассеивания. На оис абсцисс – государственные расходы, на ординат – гендерные стереотипы. Цветом и размером точек обозначены группы стран в зависимости от количества процента женщин в парламенте. Линии отражают основные тренды в каждой группе стран.

На Рисунке 6 представлена диаграмма рассеивания: по оси абсцисс представлены значения государственных расходов, по оси ординат – гендерных стереотипов. Линиями обозначены тренды, а цветом и размером точек выделены доли женщин в парламенте – для наглядности мы решили выделить четыре группы: (1) больше 40%, (2) 40%–30%, (3) 30%–20% и (4) меньше 20%.

На графике мы можем отметить пару интересных наблюдений. Во-первых, в глаза бросаются разные тренды в зависимости от группы стран. Так, в группе с самой низкой женской репрезентаций в выборке (меньше 20%) мы видим положительную связь между государственными расходами и гендерными стереотипами, что противоречит основной гипотезе. Также эта тенденция наблюдается и в группе стран с представительством 20–30% женщин в парламенте. Однако картина меняется, если рассмотреть большую долю женщин в парламенте: тренд будет отрицательный и вести к снижению стереотипов и увеличению доли государственных расходов.

Данные результаты указывают на одну из важных проблем, с которыми сталкиваются большинство гендерных исследователей – определение причинно-

следственной связи. Иными словами, что является причиной, а что следствием. Более подробно мы обсудим этот момент в выводах.

Законодательные квоты

Еще одной значимой переменной в нашей выборке стал институциональный инструмент – законодательные квоты: наличие квот приводит к увеличению количества женщин в парламенте на 6,6%, что является также достаточно сильным эффектом. Однако посмотрим немного на то, как распределена эта переменная и как взаимодействует она с нашими предыдущими факторами.

На Рисунке 7 представлено то, как в зависимости от наличия или отсутствия квот распределены наши группы стран (по доле женщин в парламенте). Первое, что можно отметить, так это то, что в странах, где представлено больше 40% женщин, в большинстве нет законодательных квот. В противоположность этому страны с более низким представительством (20–30%) женщин в парламенте в большинстве своем не используют данный инструмент. Причиной тому могут быть политические или культурные барьеры.

Однако квоты не всегда являются законодательно установленной нормой, порой они являются добровольными, и их используют партии как политический, идеологический или стратегический инструмент. Потому для сравнения рассмотрим и их.

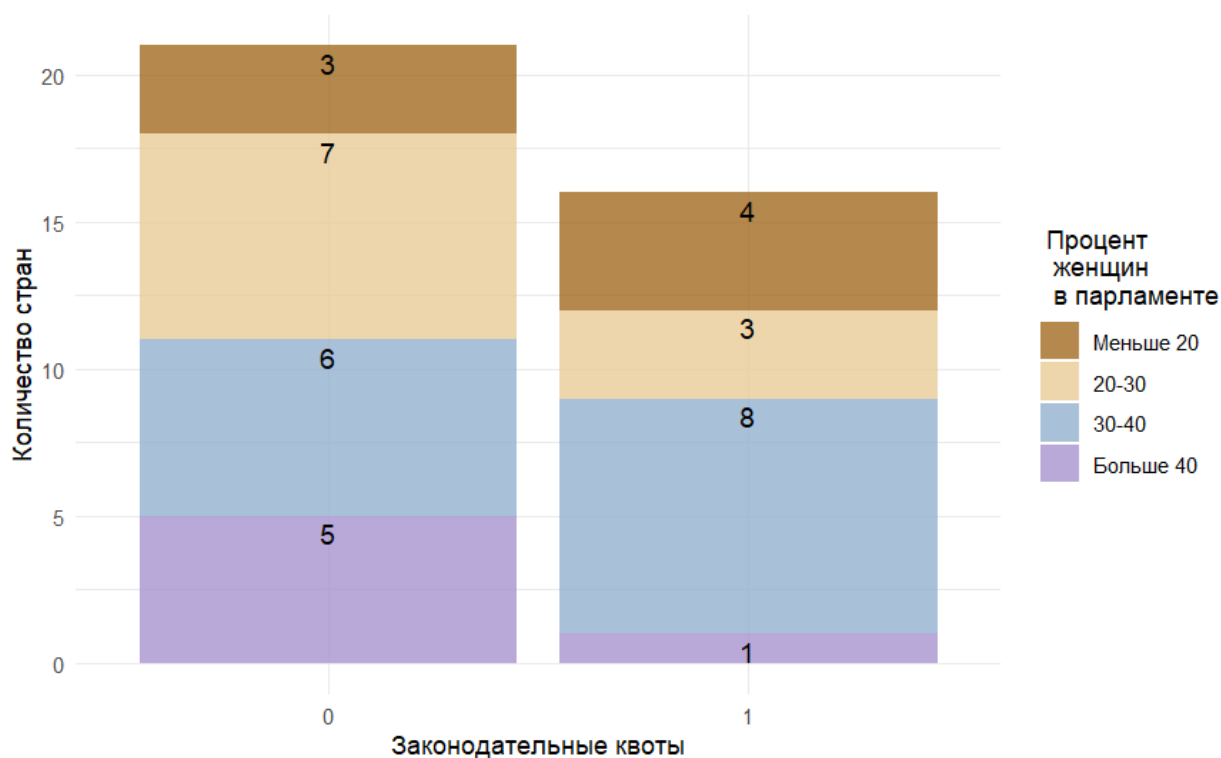

Рисунок 7. Столбчатая диаграмма. На оси абсцисс – законодательные квоты (бинарная переменная: 0-нет квот, 1-есть квоты), на оси ординат количество стран. Цветом обозначены группы стран в зависимости от количества

процента женщин в парламенте. Цифрами на графике обозначено количество стран, принадлежащих конкретной группе.

На Рисунке 8 продемонстрировано то же самое распределение стран, однако вместо законодательных квот, на оси абсцисс находятся добровольные квоты. И теперь мы видим, как достаточно сильно изменилась картина. Страны с самым большим и средним уровнем представительства женщин (больше 40% и 20–30%) в большинстве своем используют данный инструмент. А вот группа стран с низким процентом женщин в парламенте все также продолжает демонстрировать достаточно неоднозначный результат – они примерно поровну распределены по двум группам (с квотами и без).

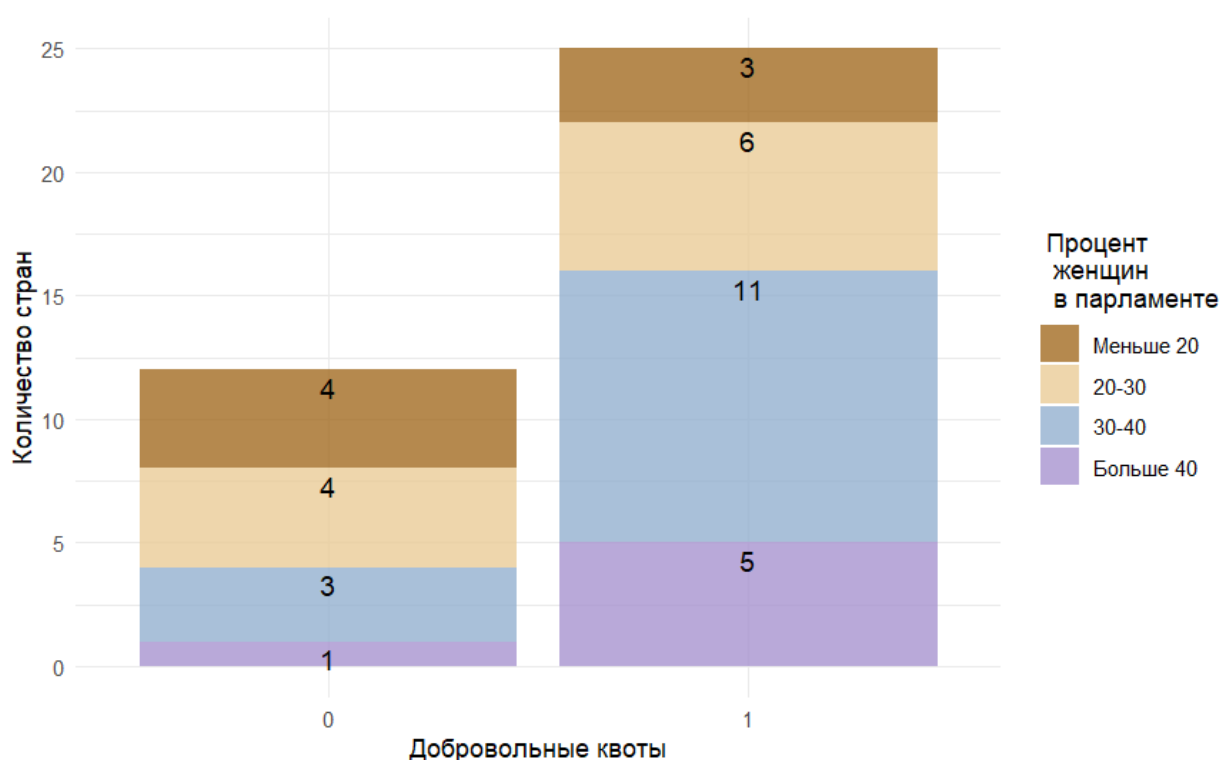

Рисунок 8. Столбчатая диаграмма. На оси абсцисс – добровольные квоты (бинарная переменная: 0-нет квот, 1- есть квоты), на оси ординат количество стран. Цветом обозначены группы стран в зависимости от количества процента женщин в парламенте. Цифрами на графике обозначено количество стран, принадлежащих конкретной группе.

Суммируя все вышеперечисленное, мы можем сказать, что страны с высоким уровнем представительства женщин в парламенте (больше 40%) используют скорее добровольные квоты, нежели законодательно закрепленные. Страны со средним уровнем (30–40%) достаточно широко используют квоты как инструмент – причем как добровольные, так и законодательные. Группа стран с низким представительством женщин (20–30%) в большинстве своем не опирается на законодательные квоты, однако распределение стран относительно использования добровольных квот примерно одинаковое. И последняя группа стран (меньше 20%) в целом вообще не показывает какой-то тенденции или склонности.

Теперь попробуем вписать эту переменную в нашу общую картину. На Рисунке 9 представлена диаграмма рассеивания: по оси абсцисс представлены значения государственных расходов, по оси ординат – гендерных стереотипов. Цветом выделены доли женщин в парламенте – (1) больше 40%, (2) 40%–30%, (3) 30%–20% и (4) меньше 20%, а размером – наличие или отсутствие законодательных квот.

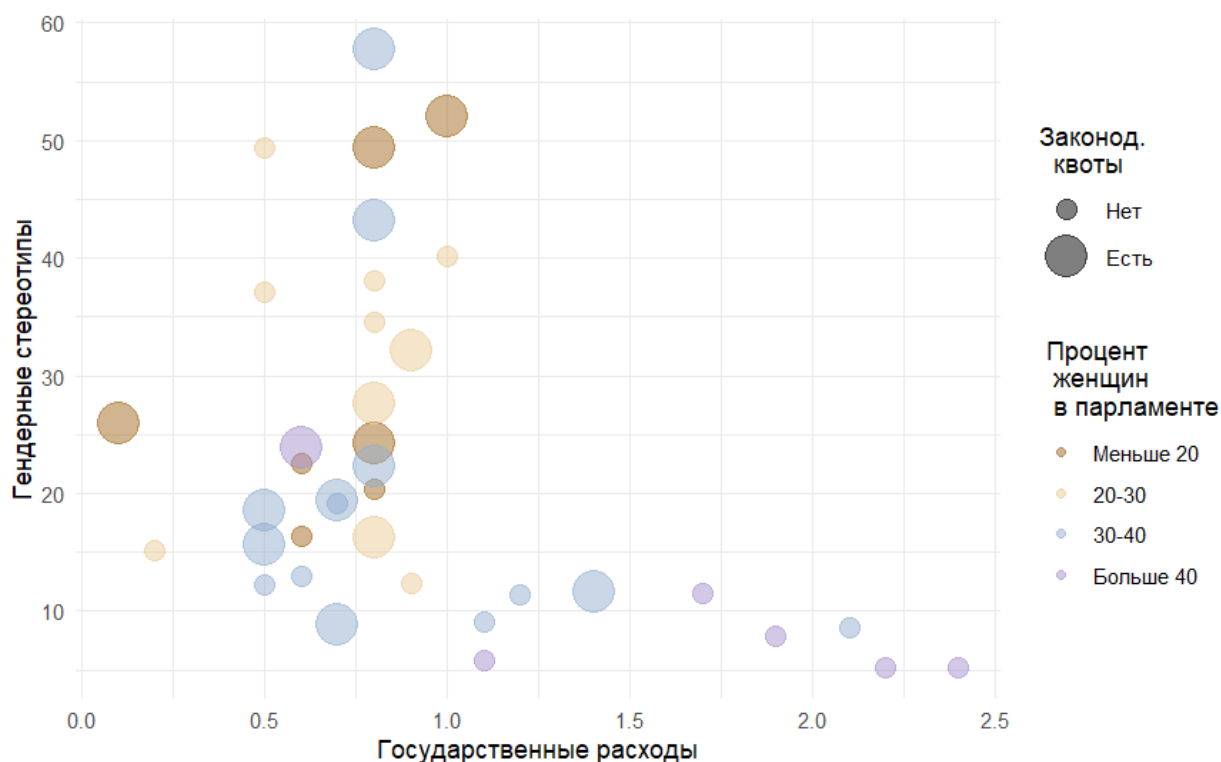

Рисунок 9. Диаграмма рассеивания. На оис абсцисс – государственные расходы, на ординат – гендерные стереотипы. Цветом точек обозначены группы стран в зависимости от количества процента женщин в парламенте. Размер точек показывает наличие или отсутствие стран.

На данном графике мы видим, что лучшим вариантом с точки зрения теории является сосредоточение точек в правом нижнем углу – с низким уровнем гендерных стереотипов, а также с относительно высоким уровнем государственных расходов. Однако с добавлением на рисунок новой переменной, мы можем отметить, что квот в данных стран нет – по крайней мере законодательных. Также стоит отметить, что есть гендерные квоты в тех странах, где наблюдается достаточно высокий уровень гендерных стереотипов – это Южная Корея, Монголия, Тунис и Северная Македония. Данное наблюдение может привести к той логике, что с помощью квот в данных странах пытаются увеличить долю представительства женщин искусственным образом – в обход гендерных стереотипов, которые влияют на предпочтения избирателей.

Выводы

Попробуем теперь собрать общую картину и соотнести полученные результаты с теорией. Если использовать выводы с результатов регрессии, то мы видим достаточно четкое соотнесение с гипотезами, которые мы выдвинули в начале данной работы. А именно – наличие гендерных стереотипов ведет к снижению представительства женщин (хотя эффект не сильный), однако увеличение доли государственных расходов для поддержки семей и дошкольного образования, как и наличие законодательно установленных квот, ведет к росту количества женщин в парламентах.

Однако как мы уже отмечали ранее, достаточно сильным ограничением для нас является малая выборка – количества наблюдений недостаточно, чтобы мы делали какие-то причинно-следственные заключения. Более того, с помощью регрессии мы можем установить лишь факт корреляции между переменными внутри данной выборки – экстраполировать выводы нельзя, да и при увеличении числа наблюдений, выводы могут измениться. Но утверждать, что из этих переменных будет причиной, а что следствием – почти невозможно, для этого необходимо использовать другие методы и теоретические основания. Потому для более грамотной оценки наблюдаемых результатов мы решили графически изучить разные группы стран (в зависимости от доли женщин в парламенте) по каждой переменной отдельно, а также в их взаимодействии. Эти наблюдения смогут помочь нам найти определенные исключения или тренды, с помощью которых мы сможем сформировать несколько логических цепочек, которые бы отражали способы увеличения доли женщин в парламенте.

Итак, нам удалось обнаружить, что есть ряд стран, который не подтверждает гипотезу о влиянии гендерных стереотипов. Среди таких стран находятся Япония, Колумбия, Греция, Гватемала и США. Дело в том, что у них достаточно низкий уровень гендерных стереотипов и при этом также низкий уровень представительства женщин. Если опираться на теорию, то можно такие результаты обосновать через другие факторы, например, избирательную систему, квоты и государственные расходы, которые относительно небольшие у всех вышеперечисленных стран. Для того, чтобы более точно оценить ситуацию в данных странах, необходимо изучить эти случаи отдельно.

Еще одним интересным наблюдением стало то, что при разделении стран на группы в зависимости от доли женщин в парламенте, менялись основные тренды. Так, в странах, где женщин мало представлено в парламенте (меньше 20% и 20–30%): чем выше уровень гендерных стереотипов, тем выше доля государственных расходов. Данное наблюдение

можно объяснить тем, что из-за высокого уровня гендерных стереотипов женщин мало представлено в парламенте, однако социальная политика направлена на поощрение женской занятости с помощью увеличения расходов на семьи и детей (Yu et al., 2019). С этой точки зрения, ситуация в странах с высоким уровнем представительства женщин (больше 40%) также кажется вполне логичной – там наблюдается низкий уровень гендерных стереотипов и высокий уровень расходов. Однако механизм достижения этого высокого уровня представительства мог быть таким же, как и описали в своей работе Сэм Вай-Кам Ю и коллеги: государственная политика поощряет женщин, у них появляется больше возможностей, чтобы занимать политические посты, что в свою очередь влияет на представления людей о гендерных ролях (Yu et al., 2019).

Эта же теория подтверждается, если мы рассмотрим квоты. Странам с высоким уровнем представительства женщин и низким уровнем гендерных стереотипов квоты как механизм увеличения численности женщин просто не нужен. Однако для стран с обратной ситуацией этот инструмент может оказаться достаточно полезным, хотя бы как временный механизм.

Но все же исходя из полученных результатов недостаточно понятно, что является следствием, а что причиной. Возможно, действительно, использование квот на самом деле ведет к росту численности женщин в парламенте, которые в свою очередь будут продвигать социальную политику, тем самым увеличивая долю государственных расходов, и влиять на снижение гендерных стереотипов. Однако ситуация может быть и другой – увеличение государственных расходов помогает женщинам наравне с мужчинами конкурировать в политической среде, так как те могут переложить часть домашней работы на социальные институты. Чтобы определить эту связь необходимо, во-первых, увеличить выборку, а во-вторых, найти точку начала изменений – посмотреть, как менялась структура государственных расходов, когда вводились квоты, как менялась доля женщин в парламенте и как изменялись представления людей в обществе.

Таким образом, один из главных результатов работы представлен в Таблице 3 – различные сценарии, которые можно вывести из наблюдаемых результатов. Следует отметить, что во всех сценариях достаточно низкий уровень государственных расходов на детей и дошкольное образование (кроме случая с высоким уровнем представительства женщин). Это может быть следствие недооценки данного инструмента как рабочего. С другой стороны, в данной работе мы рассматриваем лишь один тип социальных расходов, который достаточно сильно сужает теоретические представления о роли государства в стимулировании женской занятости (в политической сфере).

Сценарий	Процент женщин в парламенте	Квоты	Гос. расходы	Стереотипы	Страны
1	Больше 40%	Нет	Высокий	Низкий	Норвегия, Швеция, Исландия, Финляндия
2	30-40%	Есть	Низкий	Низкий	Перу, Италия, Португалия, Словения, Испания
3	30-40%	Есть	Низкий	Высокий	Тунис, Северная Македония
4	20-30%	Нет	Низкий	Высокий	Чехия, Словакия, Литва, Эстония, Румыния
5	20-30%	Есть	Низкий	Низкий	Перу, Польша, Чили
6	Меньше 20%	Не важно	Низкий	Низкий	Япония, Колумбия, Греция, Гватемала, США
7	Меньше 20%	Есть	Низкий	Высокий	Южная Корея, Монголия

Таблица 3. В таблице представлены различные комбинации стран по трем основным переменным.

Заключение

В ходе данной работы мы смогли выполнить поставленные задачи и прийти к цели - определить факторы, в наибольшей степени способствующие представительству женщин в национальных парламентах в демократиях. Согласно нашим выводам, это оказались низкий уровень гендерных стереотипов, государственные расходы на детей и дошкольное образование, а также квоты. Однако ответить на исследовательский вопрос в полной мере мы не можем, так как факторы были проверены лишь на небольшой выборке стран и без учета страновых тенденций, что в свою очередь ведет к проблеме определения причинно-следственной связи.

Также хотелось бы отметить, что результаты данной работы, можно и нужно использовать в дальнейшем, чтобы расширить понимание того, какие инструменты являются полезными для увеличения представительства женщин в органах власти. В данном исследовании основной идеей было проверить роль государства для увеличения представительства женщин в парламентах. В итоге мы заключили, что поддержка государства является важным инструментом, однако достаточно сложным – социальная политика может реализовываться разными способами, некоторые из которых могут усугублять ситуацию, а некоторые, наоборот, способствовать ее улучшению. Что также следует изучить и проверить.

В дальнейших исследованиях необходимо расширить выборку с помощью добавления временного фактора, что поможет увидеть страновую тенденцию, и также

способствовать разрешению проблемы установления причинно-следственного вывода. Таким образом, данная работа может служить ориентиром для поиска более грамотного и полного объяснения того, почему представительство женщин остается все еще низким в демократических странах.

Список литературы

1. Alexander, D. and K. Andersen, 1993. Gender as a Factor in the Attribution of Leadership Traits. *Political Research Quarterly*, 46(3): 527-545.
2. Andersen, D.J. and T. Ditonto, 2018. Information and its Presentation: Treatment Effects in Low-Information vs. High-Information Experiments. *Political Analysis*, 26(4): 379 - 398.
3. Archenti, N. and N. Johnson, 2006. Engendering the legislative agenda with and without the quota. A comparative study of Argentina and Uruguay. *Sociologia, problemas e práticas*, 52: 133 – 153.
4. Bauer, N.M., 2013. Rethinking stereotype reliance. *Politics and the Life Sciences*, 32(1): 22-42.
5. Bauer, N.M., 2015. Emotional, Sensitive, and Unfit for Office? Gender Stereotype Activation and Support Female Candidates. *Political Psychology*, 36(6): 691-708.
6. Bauer, N.M., 2018. Untangling the Relationship between Partisanship, Gender Stereotypes, and Support for Female Candidates. *Journal of Women, Politics & Policy*, 39(1): 1-25.
7. Bos, A.L., 2011. Out of Control: Delegates' Information Sources and Perceptions of Female Candidates. *Political Communication*, 28: 87–109.
8. Brown, C., N.R. Heighberger and P.A. Shocket, 1993. Gender-Based Differences in Perceptions of Male and Female City Council Candidates. *Women & Politics*, 13(1): 1-17.
9. Caul, M., 2001. Political Parties and the Adoption of Candidate Gender Quotas: A Cross-National Analysis. *The Journal of Politics*, 63(4): 1214-1229.
10. Childs, S. and M.L. Krook, 2006. Should Feminists Give Up on Critical Mass? A Contingent Yes. *Politics and Gender*, 2(04): 522 - 530.
11. Clayton, A., 2015. Women's political engagement under quota-mandated female representation: Evidence from a Randomized Policy Experiment. *Comparative Political Studies*, 48(3): 333–369.
12. Curtin, J., 2003. Women and Proportional Representation in Australia and New Zealand. *Policy and Society*, 22(1): 48-68.

13. Davidson-Schmich, L.K., 2006. IMPLEMENTATION OF POLITICAL PARTY GENDER QUOTAS. Evidence from the German Länder 1990–2000. *PARTY POLITICS*, 12(2): 211–232.
14. Devroe, R., S. Spáč and M. Uhlík, 2020. Does the Context Matter for the Prevalence of Political Gender Stereotypes? An Experimental Study in Flanders (Belgium) and Slovakia. *Journal of Representative Democracy*, 56(1): 13-30.
15. Dolan, K. and T. Lynch, 2016. The Impact of Gender Stereotypes on Voting for Women Candidates by Level and Type of Office. *Politics & Gender*, 12: 573 –595.
16. Dolan, K., 2014. Gender Stereotypes, Candidate Evaluations, and Voting for Women Candidates: What Really Matters. *Political Research Quarterly*, 67(1): 96–107.
17. Eto, M., 2010. Women and Representation in Japan THE CAUSES OF POLITICAL INEQUALITY. *International Feminist Journal of Politics*, 12(2): 177–201.
18. Franceschet, S. and J.M. Piscopo, 2008. Gender Quotas and Women’s Substantive Representation: Lessons from Argentina. *Politics & Gender*, 4: 393–425.
19. Franceschet, S., M.L. Krook and J.P. Piscopo, 2009. The Impact of Gender Quotas: A Research Agenda. e Annual Meeting of the American Political Science Association, 3(6): 1-37.
20. Fridkin, K.L. and P.J. Kenney, 2011. The Role of Candidate Traits in Campaigns. *The Journal of Politics*, 73(1): 61-73.
21. Htun, M. 2015. After Quotas: Women’s Presence and Legislative Behavior in Argentina (written with Marina Lacalle and Juan Pablo Micozzi). *Inclusion without Representation in Latin America*, Cambridge University Press, pp: 138 - 160.
22. Huddy, L. and N. Terkildsen, 1993. Gender Stereotypes and the Perception of Male and Female Candidates. *American Journal of Political Science*, 37(1): 119-147.
23. Inglehart, R. and P. Norris, 2003. *Rising Tide. Gender Equality and Cultural Change Around the World*. Cambridge University Press, pp: 1-226.
24. Kage, R., F.M. Rosenbluth and S. Tanaka, 2018. What Explains Low Female Political Representation? Evidence from Survey Experiments in Japan. *Politics & Gender*, 15(2): 285 - 309.
25. King, D.C. and R.E. Matland, 2003. Sex and the Grand Old Party An Experimental Investigation of the Effect of Candidate Sex on Support for a Republican Candidate. *American Politics Research*, 31(6): 595-612.
26. Kittilson, M., 2006. CHALLENGING PARTIES, CHANGING PARLIAMENT: WOMEN AND ELECTED OFFICE IN CONTEMPORARY. *Bibliovault OAI Repository*, the University of Chicago Press, pp: 1-58.

27. Koch, J., 2000. Gender Stereotypes and Citizens' Impression of House Candidates Ideological Orientations. *The Journal of Politics*, 62(2): 414-429.
28. Krupnikov, J. and N.M. Bauer, 2014. The Relationship Between Campaign Negativity, Gender and Campaign Context. *Political Behavior*, 36(1): 167-188.
29. Kunovich, S., 2003. The Representation of Polish and Czech Women in National Politics: Predicting Electoral List Position. *Comparative Politics*, 35: 273-291.
30. Larserud, S. and R. Taphorn, 2007. Designing for Equality: Best-fit, medium-fit and non-favourable combinations of electoral systems and gender quotas. *International IDEA*: 1-27.
31. Lawless, J.L., 2004. Women, War, and Winning Elections: Gender Stereotyping in the Post-September 11th Era. *Political Research Quarterly*, 57(3): 479-490.
32. Lopez-Zafra, E. and R. Garcia-Retamero, 2012. Do gender stereotypes change? The dynamic of gender stereotypes in Spain. *Journal of Gender Studies*, 21(2): 169-183.
33. Matland, R.E., Taylor M. M., 1997. Electoral System Effects on Women's Representation: Theoretical Arguments and Evidence from Costa Rica. *Comparative Political Studies*, 30(2): 186-210.
34. McDermott, M.L., 1997. Voting Cues in Low-Information Elections: Candidate Gender as a Social Information Variable in Contemporary United States Elections. *American Journal of Political Science*, 41(1): 270-283.
35. Muriaas, R. L. and V. Wang, 2012. Executive dominance and the politics of quota representation in Uganda. *The Journal of Modern African Studies*, 50(02): 309–338.
36. Norris, P. and M.L. Krook, 2011. Gender Equality in Elected Office: A Six-Step Action Plan. Organization for Security and Co-operation in Europe, OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, p: 1-81.
37. Ono, J. and M. Yamada, 2020. Do voters prefer gender stereotypic candidates? Evidence from a conjoint survey experiment in Japan. *Political Science Research and Methods*, 8: 477– 492.
38. Paul, D. and J.L. Smith, 2008. Subtle Sexism? Examining Vote Preferences When Women Run Against Men for the Presidency. *Journal of Women, Politics & Policy*, 29(4): 451-476.
39. Prentic, D.A. and E. Carranza, 2002. What women and men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: the contents of prescriptive gender stereotypes. *Psychology of Women Quarterly*, 26(4): 269-281.
40. Sanbonmatsu, K. and K. Dolan, 2009. Do Gender Stereotypes Transcend Party? *Political Research Quarterly*, 62(3): 485-494.

41. Sanbonmatsu, K., 2002. Gender Stereotypes and Vote Choice. *American Journal of Political Science*, 46(1): 20-34.
42. Santana, A. and S. Aguilar, 2019. Bringing Party Ideology Back In: Do Left-Wing Parties Enhance the Share of Women MPs? *Politics & Gender*, 15(3): 547 - 571.
43. Seguino, S., 2007. PlusÇa Change? evidence on global trends in gender norms and stereotypes. *Feminist Economics*, 13(2): 1-28.
44. Short, C., 1996. Women and the Labour Party. *Parliamentary Affairs*, 49(1): 17–25.
45. Silbermann, S., 2015. Gender Roles, Work-Life Balance, and Running for Office. *Quarterly Journal of Political Science*, 10: 123–153.
46. Spencer-Rodgers, J., D.L. Hamilton and S.J. Sherman, 2007. The Central Role of Entitativity in Stereotypes of Social Categories and Task Groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92(3): 369 –388.
47. Verhulst, B., L.J. Eaves and P.K. Hatemi, 2012. Correlation not Causation: The Relationship between Personality Traits and Political Ideologies. *American Journal of Political Science*, 56(1): 34–51.
48. Wang, V., 2013. Women changing policy outcomes: Learning from pro-women legislation in the Ugandan Parliament. *Women's Studies International Forum*, 41: 113–121.
49. Yu, S. W. K., Chui-Man Ruby Chau and Stefan Kühner, 2019. Defamilisation and familisation risks, adult worker models, and pro-employment/decommodification measures for women: the case of Hong Kong. *Journal of International and Comparative social Policy*, 35(2): 194–210.
50. Норт, Д., 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Фонд экономической книги "НАЧАЛА", pp: 6.
51. СТЕПАНОВА, Н.М., 1999. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы. *Общественные науки и современность*, 4: 185-192.

Источники данных

Переменные	Источник
Гендерные стереотипы	https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp
Расходы государства	https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=81197
Отпуск по уходу за ребенком для матери	https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=81199
Отпуск по уходу за ребенком для отца	https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=81200

Работа мужчин и женщин по дому	https://data.worldbank.org/indicator/SG.TIM.UWRK.FE?view=chart
Тип избирательной системы	https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-overview
Квоты	https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-overview
Тип режима	https://www.v-dem.net/vpartyds.html